

Василий Андреевич Жуковский

Святая Русь

**Жуковский Василий
Андреевич
Святая Русь**

Василий Жуковский
Святая Русь

Письмо князю П. А. Вяземскому 23-го июля
(5-го августа) 1848г.

Кронталь, близ Содена.

Благодарствую, мой милый Вяземский, за твое коротенькое письмо и за донесение о том, что у вас теперь происходит; это несколько за вас успокоило, хотя холерная туча все еще стоит над вашею головою. Но мне на вас почти завидно, вы окружены бедою, которая, выходя из Руки Всемогущей, выходя из природы, неповинной в том зле, которое из нее истекает, вселяет один только ужас; вы дома, вы страждете в своей семье. А я начуже, и вокруг меня свирепствует беда, производящая не один благоговейный ужас пред Властью Верховной, но и негодование против безумия и разврата человеческого. Если бы я был счастлив, если бы уже теперь был дома, пускай бы там холера нашла меня; но самому искать холеры, вместе с женою и детьми, везти свою семью ей на встречу и, может быть, ей на жертву, на такую ответственность не могу и не должен решиться.

Между тем на беду мою надобно еще слышать и слушать вой этого всемирного вихря, составленного из разных, безчисленных криков человеческого безумия, вихря, который грозит все поставить вверх дном. Какой тифус взбесил все народы и какой паралич сбил с ног все правительство! Никакой человеческий ум не мог бы признать возможным того, что случилось и что, в несколько дней, с такою демоническою, неодолимою силою, опрокинуло созданное веками. Можно было слышать, и давно, давно это было слышно, что в глубине кратера, таившегося под слоями многих поколений, шевелилась скопляющаяся лава; и покой правительств, которые лениво и упрямо спали на краю этого кратера, есть гибельная неосторожность, вполне заслуживающая имя преступления. Но подобного извержения лавы придумать было невозможно. Шумом упавшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства; несколько профессоров, адвокатов, врачей и марателей бумаги, никем не призванных, никем не уполномоченных, предводительствуя маленькою

дружиною дерзких журналистов, выходят в бой против всех законных государей, окруженных сильною армиею, и все они разом, без боя, кладут оружие и принимают безусловно те бессмысленные законы, которыми в чадую своей силы [не действительной, а созданной внезапным страхом их противников], наскоро, без всякой умеренности, без малейшего признания права и правды, толпа анархистов уничтожает всякий авторитет и всякую возможность порядка. Теперь начинается что-то похожее на противудействие но трудно поверить его успеху. Слишком, слишком много разрушено.

Вяземский! как тронули меня, при виде всего этого, столь болезненного и отвратительного, твои стихи: я не мог читать их без слез и не могу иначе перечитывать...

Твои стихи не поэзия, а чистая правда. Но что же поэзия, как не чистая высшая правда? Твои стихи правда потому, что в них просто, верно, без всякой натяжки, выражается то, что глубоко живет в душе, не подлежит произвольному умствования, не требует никаких доказательств разума, что живет в душе

вопреки всем софизмам отрицания, вопреки даже самым противоречащим фактам, живет, как всякая Божия истина, не из ума человеческого исходящая, потому именно гордостью его отвергаемая, что оно вне его существует, потому именно и не отрицаемая что не принадлежит к области очевидности и не подвластна механической силе логических доказательств. Твои стихи, поэтический крик души, производят очаровательное действие в присутствии чудовищных происшествий нашего времени. Святая Русь! - Какое глубокое получает это слово теперь, когда видим, как все кругом нас валится, единственно от того, что оторвался от него этот общий знаменатель, к которому нельзя уже теперь привести этих мелких, разнородных дробей, ничего целого не составляющих. Святое утрачено; крепкий цемент, соединивший так твердо камни векового здания, по плану Промысла построенного, исчез мало-помалу, уничтоженный едкою деятельностью ума человеческого. Что воздвигнется и может ли что воздвигнуться на этой груде развалин - мы знать и предвидеть не можем. Между тем наша звезда, Свя-

тая Русь, сияет высоко, сияет в стороне! Да сохранит ее Бог от затмения собственного и от насильственного увлечения в вихре соседних звезд, готовых разрушиться. Святая Русь - это слово ровесник христианской России. Оно дано ей, как говорят твои стихи, при ее крестинах, и никогда не потеряет своего глубокого смысла, хотя и вошло в разряд обыкновенностей (*lieux communs*). Скажу мимоходом, что я выше всего ставлю эти так называемые обыкновенности: они в языке и в жизни то же, что воздух, невидимо нас окружающий, без которого ни дышать, ни жить невозможно. То, что вошло в обыкновенность, принято всеми, для всех неотрицаемо; оно потеряло свою новизну от своей давности, но по тому самому и есть всеобщая необходимая истина. Оно приобретает вдруг характер какого-то откровения, чудно выражающего истину верховную - когда ему противополжится нечто, эту верховную истину отрицающее. Так и здесь: Святая Русь - как часто и давно это слово повторяется, как мы к нему привыкли, как многие употребляют его даже в ироническом смысле - но сказанное теперь [в противоположность тому,

что в наших глазах повсеместно творится], не изумляет ли оно своею новостью и своею истиною? Не выражает ли оно для нас с новою убедительностью, одним звуком всего, что в течение веков сделалось нашею верою, любовью и надеждою? Не яснее ли означается в нем этот особенный союз наш с Богом, вследствие которого от наших праотцев перешло к нам и чудное имя его Русской Богъ [не Российский Богъ, как оканчивает своего Димитрия Донского Озеров]. Русской Богъ, - Святая Русь, подобных наименований Бога и отечества, кажется, ни один европейский народ не имеет. В выражении Святая Русь - отзывается вся наша особенная история; это имя Россия ведет от Крещатика; но свое глубокое значение оно приобрело со времен раздробления на уделы, когда над разными подчиненными князьями был один главный, великий, когда при великом княжестве было множество малых, от него зависимых, и когда это все соединялось в одно, не в Россию, а в Русь, то есть не в государство, а в семейство, где у всех были одна отчизна, одна вера, один язык, одинакия воспоминания и предания; вот отчего и в са-

мых кровавых междоусобиях, когда еще не было России, когда удельные князья беспрестанно дрались между собою за ее области, для всех была одна, живая, нераздельная Святая Русь. Все вместе стояли за нее против нашествия и грабительства врагов неверных. Особенную же силу этому слову дали печальные времена Мамаю: тогда оно сделалось для нас соединительным, отечественным, боевым криком; им утешала нас наша церковь, его произносили князья наши, неся в Орду свою голову за отечество, оно гремело на Куликовом поле; оно должно было получить удивительный смысл на устах Великого Иоанна III, уничтожившаго рабство татарское и вдруг явившагося самодержавным обладателем всея России. С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокупным сокровищем царя и народа. Там наше могущество, наши многообъемлющие грани, наше государственное достоинство; здесь наша память о жизни праотцев, наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно наше русское, что нико-

му, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли, не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может. Россия принадлежит к составу государств Европы: Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом. Вся святость этой Руси и весь чудный характер народа русского [в котором такой светлый рассудок соединяется с такою твердою, спокойною, никаким вдохновением не воспламеняемою самоотверженностью] особенно выразились в ту минуту, когда бояре московские пришли к Иоанну IV умолять его казнить их, как будет на то его воля, но только не покидать престола русского. [Событие удивительное, в котором ясно означается, что правильные понятия политические, без всякого философического умствования постигнутые здравым русским умом, прямо истекают из того источника, из которого всякая истина истекает, из христианства, которое, несмотря на потрясение, претерпенное им в наше время, возьмет напоследок свое и сделается альфой и омегой всякой правды]. Другое слово нашего народа:

Русской Богъ, имеет такое же глубокое, историческое значение. Подобные слова не случайно входят в употребление, они суть памятники, итоги вековой жизни народа. Слово Русской Богъ выражает не одну веру в Бога, но еще какое-то особенное народное предание о Боге, давнишнем сподвижнике Руси, виденном нашими праотцами во все времена их жизни, и счастливые и бедственные, и славные и темные, в этом слове наше бодрое, беспечное авось соединяется с крепкою надеждою на высшее Провидение, Русской Богъ есть то же в отношении к вере в Бога, что Святая Русь в отношении к России. Этот "Русской Богъ" есть удивительное создание нашего ума народного, понятия о Немъ, отдельно существующее при вере в Бога христианского, истекающей из божественного откровения, присоединено к ней, будучи выведено русским народом из откровения, в его истории заключающагося, понятия о Боге осязательном, на опыте доказанном, повсеместно, без всякого проповедания признанном, понятие, одним только русским народом присвоенное.

СМЕШНО СКАЗАТЬ: АНГЛИЙСКИЙ, ФРАНЦУЗ-

СКИЙ, НЕМЕЦКИЙ БОГ, НО ПРИ СЛОВЕ РУССКОЙ БОГЪ - ДУША БЛАГОГОВЕЕТ: это Бог нашей народной жизни, в котором, так сказать, для нас олицетворяется вера в Бога души нашей, это образ Небеснаго Спасителя, видимо отразившийся в земной судьбе нашего народа.

Россия шла своим особенным путем, и этот путь не изменился с самого начала ее исторической жизни, несмотря на беспорядки, происшедшие от раздробления на уделы, которое наконец произвело и долгое татарское иго. Две главные силы, исходящие из одного источника, властвовали и властвуют ее судьбою, они навсегда сохраняют ее самобытность, если, оставшись неизменными в своей сущности, будут следовать за историческим, необходимым ее развитием, будут его направлять и могущественно им владычествовать. Эти две силы суть церковь и самодержавие: одной, то есть самодержавию, принадлежит земной порядок и благоденствие общественное, им охраняемое; другой, то есть церкви, принадлежит дополнение земного благоденствия высшими благами иного порядка, даю-

циями земному его истинное значение и возможную прочность.

Оглянувшись на запад теперешней Европы, что увидим?.. Дерзкое непризнание участия Всевышней Власти в делах человеческих выражается во всем, что теперь происходит в собраниях народных. Эгоизм и мертвая материальность царствуют. Чего тут ожидать живого? Какое человеческое благо может быть построено на таком фундаменте?.. У нас - целы те главные, основные элементы, которыми держится бытие государств христианских. Наша церковь не изменилась: реформация не дерзнула коснуться ее святыни; а неизменяемость церкви сберегла и упрочила неизменяемость власти державной, которая, несмотря на все волнения государственные, осталась непоколебленной в своем основании, то есть в понятии о божественности ее происхождения и в исторической ее законности. Русский народ, в котором никакой произвол мятежного умствования не поколебал веры в непреложность церкви, остался равномерно верен и власти державной, проповедуемой церковью. В его истории мы видим перемены властители-

лей, но власть и уважение к ней во всякое время оставались неизменными; бывали мятежи народные, но никогда не бывало провозглашаемо право мятежа, которое так же существовать не может, как и право притеснения: ибо когда народное восстание опрокидывает законную власть, во зло употребленную, то это не есть выражение существующего права это просто событие, неизбежное следствие другого события, неправда, рожденная неправдою, - то же, что отзыв, естественно произведенный звуком. Мы видим, что от Рюрика до смерти Феодора Иоанновича один и тот же дом царствует - сквозь все века протянута одна непрерывная цепь наследственной власти, непрерывная во времена междоусобий, во времена татарского ига и пресеченная на короткое время в периоде от Годунова до Романовых только для того, чтобы крепче соединить свои звенья в ту минуту, когда весь русский народ, основываясь на вере и обычаях праотцев и на учении евангельском, провозгласил самодержавие на выборе московском. Это самодержавие перешло в руки Романовых таким, какое оно было до их

избрания. Оно и теперь то же самое в своей сущности: завет нам от всего - нашего минувшаго, богатство, собранное нами в течение веков на дороге, по которой вело нас Провидение. С другой стороны, надобно сказать, что если в образованной Европе вера в святое истратилась от расточительных злоупотреблений ума, то в России она сохранилась в своей неприкосновенности, частью и от ее бездейственного неупотребления, так что на западе Евролы существует цивилизация, но добрыя начала уничтожены, а у нас соханены добрыя начала, но собственной цивилизации, из их развития исходящей, еще не существует, а есть только ее призрак, ее нам чуждая, заимствованная форма, которая может наконец повредить и добрым началам. Вопрос что возможнее? - ввести ли снова в цивилизацию уничтоженныя добрыя начала, или на существующих добрых началах пересоздать чужую цивилизацию в собственную? Думаю, последнее. Первое можно сравнить с развратным, состарившимся, расслабленным богачом, который доживает последнее свое достоиние и ничего не оставит наследникам, кроме

своего мертвого трупа, последнее - с молодым, еще неоглядевшимися недорослем, владельцем великаго богатства, которого он еще употреблять не научился, но которое еще не утрачено и может, увеличенное, перейти в руки его наследников. Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возвратить ее к началам, ею утраченным. Чтобы дать самобытную цивилизацию России, должно развить сии добрые начала, сохранившие всю чистоту свою, но еще не вполне в смысле своем употребленные. Сии начала для России суть церковь и самодержавие. Под развитием церкви разумеется более деятельное введение ее учения в умственную и практическую жизнь истинным христианским образованием, оградив его от всякаго самовольнаго лжемудрия, образованием, которое у нас до сих пор слишком ограничено было одними формами. Под развитием самодержавия разумеется твердешее укоренение и распространение его патриархальнаго могущества, которого источник и правило есть верховная Божия правда, но которое, с своей стороны, должно

более и более определить и утвердить законность - с одной стороны, в действиях исполнителей власти, с другой, в общих о ней понятиях народа, законность, которая хранит права, неотъемлемо всем и каждому принадлежащие и державною властью один раз навсегда утвержденные, и которая, истекая из самой власти, ее не ограничивает, а более и более упрочивает посредством указания необходимых верных путей ее действия.